

Советская евгеника: идеи по преобразованию «человеческой породы»

В статье исследуются основные идеи советских учёных и философов по евгеническому преобразованию человека и общества. В современном академическом пространстве существует не так много исследований, посвящённых советской евгенике. Поэтому до сих пор остаются не до конца прояснёнными многие политические, экономические и философские аспекты данного феномена. Автор статьи предлагает уделить пристальное внимание этим аспектам, для чего обращается к программным идеям советских учёных и философов. Так, автор обнаруживает, что советская евгеника во многом представляла собой синтез марксистского толкования человеческой деятельности с естественнонаучными представлениями о наследственности.

Ключевые слова: *евгеника, советское общество, наследственность, генофонд, производство, индивидуализм, селекция, рационализация жизни.*

Saimiddinov A.K.,

post-graduate student

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Soviet eugenics: ideas for transforming the «human race»

The article examines the main ideas of Soviet scientists and philosophers on the eugenic transformation of man and society. In modern academic space, there are not many studies devoted to Soviet eugenics. Therefore, many political, economic and philosophical aspects of this phenomenon are still not fully clarified. The author of the article proposes to pay close attention to these aspects, for which he turns to the program ideas of Soviet scientists and philosophers. Thus, the author discovers that Soviet eugenics was in many ways a synthesis of the Marxist interpretation of human activity with the natural science concepts of heredity.

Keywords: *eugenics, Soviet society, heredity, gene pool, production, individualism, selection, rationalization of life.*

Русский философ Валериан Муравьёв, по-видимому, следивший в своё время за тенденциями в экспериментальной биологии, в работе, посвящённой овладению временем, писал, что сознательная работа человечества должна идти в направлении создания «живых существ» [Муравьёв, 1924]. Такое напутствие нашло своё отражение в программах советской интеллигенции по рационализации репродуктивных процессов человека.

Исследования в области эволюционной биологии 20-30-х годов инспирировали евгенические идеи советских учёных и общественных деятелей. Отцом отечественной евгеники стал русский биолог Николай Кольцов, поддерживавший проекты по генетическому улучшению человеческого рода. Будучи директором Института биологии, расценивал, как и его коллеги, человеческий генофонд в качестве естественной производительной силы, которой можно рационально распоряжаться.

Идея преобразования генофонда гармонировала с основными задачами советского строительства, как замечал антрополог Михаил Волоцкой, который приходился коллегой Николаю Кольцову. Попутно критикуя «буржуазный» характер евгеники, он полагал, что можно совместить марксизм и дарвинизм в самом содержании этой науки [Волоцкой, 1925].

Так, существовавшее в Ленинграде Бюро Евгеники ставило себе различные задачи, включая сюда изучение вопросов наследственности и консультации евгенического характера для всех желающих [Бабков, 2008]. Из позитивных задач, формулируемых сторонниками советской евгеники, можно выделить как исследование природы наследственности, так и постановку вопросов об искусственном подборе или регуляции наследственности. С евгенического фронта поступали идеи о наследственной детерминированности человеческих способностей, что порождало множество дискуссий в интеллектуальной среде. Советскими учёными даже обсуждались темы, посвящённые росту когнитивного потенциала человеческого рода. Это наводило на мысли о границах преобразования человека в целом.

Сторонники «биосоциальной евгеники» выступали за изменение наследственной структуры рода путём социальных и культурных реформ. Данный подход получил критику со стороны «отцов» отечественной евгеники за интеллектуальную неумеренность в отношении понимания благоприобретённых признаков. Так, например, Кольцов, строго различал признаки унаследованные и приобретённые. Полемизируя с концепцией «биосоциальной евгеники», он отрицал возможность изменения человеческого рода с помощью преобразования культуры и социальной среды [Кольцов, 1923]. Но также отмечал в свою очередь и ограниченность вульгарных евгенических идей, настаивающих на задействовании наследственной селекции там, где в этом нет необходимости, то есть в тех случаях, когда нужные человеку физические и умственные признаки могут быть развиты исключительно путём социальной регуляции.

Идеи, касавшиеся контроля и изменения генофонда человека, как правило, служили своего рода решением проблемы наращивания производительной мощи советского общества (достаточно вспомнить призыв советского генетика А.С. Серебровского к ускоренному выполнению пятилеток), реализации наследственных возможностей и предотвращению распространения патологий. Стоит отметить, что было бы весьма сомнительным предприятием обвинять представителей евгенического общества в расизме или сегрегации, так как многие идеи, касавшиеся, к примеру, стерилизации, были дискуссионными и вызывали, как правило, шквал критики в публичном поле. Сам Кольцов в свою

очередь подчёркивал неоднозначность целей евгеники и настаивал на прояснении тех требований, которые выдвигались в отношении этой науки.

Но остаётся фактом то, что советская интеллигенция была инспирирована евгеническими идеями (на базе развивающейся биологии) в контексте новой социальности. Для сферы производства евгеника означала рациональный подход к распоряжению умственными и физическими ресурсами не только на уровне общественных и культурных практик, но и на уровне генетических особенностей, требующих пристального внимания.

Александр Серебровский проводил аналогию между разведывательной работой в отношении природного сырья и работой по учёту разнообразия человеческий генов, призывая заниматься исследованиями в области «генеогеографии» [Серебровский, 1929], которая представляла собой картографирование генетических маркеров среди населения отдельных регионов и выдвигалась в качестве важного статистического инструмента для осуществления евгенических задач. Гены, по его мнению, могли исполнять роль производственного сырья, задействованного в изменении человеческого рода. Серебровский разделял мнение подавляющего большинства других учёных о том, что динамика в контексте генофонда человечества крайне слаба, так как она во многом зависит от случайных влияний естественного отбора, а не от сознательного преобразования человеческой среды.

Стоит отметить, что евгеника в начале XX века получила большое признание в Европе и имела собственные национальные оттенки. Советское научное сообщество придерживалось социалистической риторики и поддерживало евгенические задачи, учитывающие специфику общественно-политической повестки в стране. Серебровский подчёркивал, что евгеническая программа не может быть ограничена сословными, национальными, расовыми или имущественными делениями. Под ведомство генеогеографии, таким образом, потенциально подпадало всё население планеты, а изменение генофонда зависело от количества учитываемого генетического сырья. Поэтому в качестве одной из основных задач евгенической программы постулировалось преодоление различных социальных, экономических, культурных границ, так как национальные или имущественные ограничения оказывают, с точки зрения советских учёных, лишь эффект торможения на динамику человеческого генофонда. Объявив «войну» социально-экономической и культурной консервации генов, советская интеллигенция попыталась тем самым наметить контуры масштабного способа преобразования человеческой биологии. Так, речь шла об организации глобального сообщества, в рамках которого можно было бы производить «модифицированного» человека.

Как полагал Кольцов, идеи об изменении человеческой природы мы можем встретить уже в творчестве авторов эпохи античности и ренессанса, но лишь в условиях современного естествознания стало возможным говорить о вмешательстве в те или иные процессы жизнедеятельности, которые ранее не могли быть открытыми для исследования и преобразования [Кольцов, 1923]. Те меры, которые выдвигали советские учёные, вроде Александра Серебровского, отсылают нас к вопросам о реорганизации общества. Несмотря на то, что

основатели отечественного евгенического общества отрицали прямое влияние социальной среды на динамику генофонда, их евгенические программы касались универсальных вопросов, касающихся реорганизации общественной жизни людей. Так, горизонты преобразования фундаментальных процессов жизнедеятельности человека должны были зависеть, по их мнению, от проективных возможностей изменения социальных условий.

Стоит отметить, что рационализация жизни советских людей касалась не только техники и методов общественного производства, но и самой природы человека, его фундаментальных потенций. Основным препятствием, выступавшим на пути реализации глобальных антропотехнических или антропогенетических проектов, выступал, с точки зрения советских теоретиков, индивидуализм, осуществлявший, если так можно выразиться, функцию исключения некоторых практик по изменению человеческой природы. С точки зрения советской евгеники, сознательное влияние на динамику генофонда предполагало бы отказ от общественной системы, основывающейся на принципах индивидуализма, питающего институт семьи, социальное расслоение и национализм.

В контексте социалистической мысли преобразование человека не могло основываться на индивидуалистических началах. Как полагали русские революционеры, пролетариат представляет собой коллективный субъект, берущий на себя задачи по организации жизни. При капитализме рабочий задействован в коллективном производстве на условиях того, что он ограничен специальностью и необходимым количеством затрачиваемого времени. Для социалистической перспективы труд мыслился не в качестве принудительно-необходимого и специализированного, а свободного и всеобщего. Именно в таком преломлении отечественные теоретики формулировали идеи о преобразовании человека. Богданов писал, что организационные задачи, затрагивающие, к примеру, проблемы человеческой биологии, иногда приходится формулировать не в масштабах отдельного индивида, но всего общества. С организационной точки зрения, биологическая природа человека со временем перестаёт осмысляться в категориях индивидуализма, тем самым насущной задачей для прогрессивного общества становится «обобществление» видовой принадлежности. В условиях всеобщего труда человек возвращает себе свою родовую сущность, которая в капиталистическом обществе была отчуждённым горизонтом. И речь идёт скорее о возвращении её в сферу трудовой практики.

Преобразование капиталистического производства во всеобщий труд, по мнению советских теоретиков, представляет собой упразднение конкуренции, индивидуализма, основанного на специализации, и осуществление коллективного планирования, не ограниченного институтом частной собственности. В контексте всеобщего труда родовая сущность перестаёт быть тем, от чего отдельный индивид представляет, и воспринимается уже в качестве материала, изменяемого в соответствии с его сознательной волей. Но было бы неоправданным шагом говорить о том, что практики по вмешательству в человеческую природу были краеугольным камнем только советских

политиков и учёных. Такие практики имели место как в Европе, так и в США. Но та же советская евгеника, руководствуясь классовым принципом, зачастую не считала нужным выделять в качестве особой или привилегированной категории ту или иную группу населения или, к примеру, строго регулировать демографический рост. Риторика расовой сегрегации в нацистской Германии, как правило, осуждалась в советском государстве, как и сегрегация на основании имущественного ценза (но нужно всё же отметить, что идеи по стерилизации алкоголиков и душевнобольных всё же присутствовали в публичном поле), а увеличение населения, наоборот, поощрялось. Советскими теоретиками воспроизводилась мысль об объединении людей (и увеличении демографии) на основании их возможного вклада в сконструированный генофонд будущего. Всё же, какие бы спекуляции не велись относительно взаимовлияний между генотипом и фенотипом в среде советских учёных, фактом остаётся то, что для советской евгеники опыт социальной революции также был опытом революции в самой природе человека.

Социалистическое государство обосновывалось в качестве благоприятного условия для возможностей биологического преобразования человека, так как научно-исследовательская работа, по мнению советских учёных и общественных деятелей, не ограничивалась границами индивидуализма и частной собственности, институтом семьи (насколько это возможно) и социальным разделением. Следом за ниспровержением, хоть и идеологическим, индивидуалистического уклада вырисовывались возможности реорганизации фундаментальных свойств человека, отданных в распоряжение природной случайности. Формирование нового «производителя», как считали некоторые советские евгеники, основывалось не только на новых социально-экономических началах, но и видовых. Кольцов, хоть и с присущей ему осторожностью, верил в развитие всесторонней личности, наделённой творческим потенциалом и жаждой новых достижений [Буйнякова, 2017]. Таким образом, борьба с натурализацией вида также вписывалась им в рамки рационализации общественного производства.

При этом для советских теоретиков всё же стало большой проблемой то, на каких основаниях мыслить преобразование генотипических особенностей, так как не существовало конкретного образа того человека, которого следовало получить в результате данного преобразования. По мнению Волоцкого, как предшествующие, так и настоящие идеи изменения человека зиждились на господских интересах, что отсылало к неизменности его как вида. Одним из примеров экстраполяции такого политического интереса считалась борьба с «пролетаризацией» населения в контексте европейского опыта. Отбор лучших из лучших в «буржуазной» евгенике не касался всецело эволюционного процесса, а только тех навыков или «талантов», которые сформировались исторически в конкретных социальных условиях. Здесь речь шла уже не о неправомерном изменении генотипа на основании социальных трансформаций, а скорей о неоправданном способе изменять генотип на основании консервации существующих социальных условий. Поэтому Волоцкий, хоть и с другой

стороны (в отличие от Кольцова), настаивал на различии между генотипом и фенотипом.

Дискуссии, предметом которых стало различие генотипических и фенотипических особенностей, приобрели большой резонанс, так как они порождали различные по своему характеру практические следствия. В силу невозможности сформулировать единую программу улучшения породы человека советская евгеника вступила в фазу кризиса, после чего и вовсе была упразднена.

Но как мы можем видеть, вопрос о рационализации общественной жизни в советском обществе отсылает нас к вопросу об изменении человека как вида. Здесь уместно вспомнить идею Маркса о том, что предметом человеческой практики выступает родовая сущность человека. Преобразуя природу в производственной деятельности, человек изменяет и самого себя, в чём и состоит его, как полагал Маркс, отличие от других форм жизни. Производство в этой перспективе является не удовлетворением физических потребностей, а свободной коллективной практикой, предметом которой становится сам человек. Конечно, вряд ли Маркс мог представить себе всю силу данного тезиса. Коренное изменение физико-биологического состава человеческой природы, которое предлагали советские теоретики, до сих пор кажется чем-то несвоевременным. Даже на сегодняшний день идеи по преобразованию видовой сущности человека являются делом скорей научной фантастики, чем серьёзным предметом дискуссии.

Как было уже отмечено, идеи об изменении фундаментальных свойств человека путём преобразования социальных условий, как правило, расценивались идеологами советской евгеники в качестве ограниченных по своему содержанию. Поэтому проект нового человека должен был включить в себя те технологии, которые касались жизненных процессов, не редуцируемых к культуре или общественным отношениям, так как активность человека не составляет исключительно социальный феномен, но предполагает элементы, рассматриваемые наукой на более фундаментальных уровнях (биологическом или физико-химическом). Евгеники были убеждены в том, что предрасположенности к тому или иному виду деятельности человека обусловлены наследственностью. В свою очередь эта убеждённость сопровождалась в среде советской интеллигенции дискуссиями на тему ранжирования индивидуальных талантов в соответствии с тем или иным генетическим фоном.

Крайне примечательными фигурами, осуществившими вклад в осмысление сущности человеческой деятельности, являются русские революционеры, занимавшиеся рецепцией эмпириокритицизма (позитивистской философии конца XIX века). Так, русский революционер и философ Александр Богданов (как, к примеру, и Анатолий Луначарский) пытался расширить марксистскую теорию путём рассмотрения человеческого производства в биологическом ключе. Труд им рассматривался в качестве посредника между индивидом и окружающей средой, подчинённого в свою очередь как социально-историческим, так и биологическим законам. Богданов в своих работах

предлагал мыслить человеческий труд по аналогии с активностью других живых организмов, применяя такие термины, как «ассимиляция», «диссимиляция», «подбор» [Богданов, 1989]. Если задачей любого живого организма является приспособление к среде и ассимиляция внешней энергии, то аналогичная ситуация складывается и с производительным трудом человека. Конечно, отправляясь от данной аналогии, мы не можем отождествить труд человека и жизнедеятельность других форм жизни, что понимал и Богданов. Между питанием и затратой сил на производство с приобретением продукта наличествует фундаментальное различие. Полемизируя заочно с позитивистом Рихардом Авенариусом, Богданов отмечал, что труд человека не представляет собой те же процессы ассимиляции и диссимиляции внешней энергии, что мы видим в случае с другими формами жизни, так как здесь налицо сознательный момент, который отсылает ко множеству возможных вариантов траты и усвоения энергии [Стейла, 2016]. Человек способен на проектирование возможных вариантов взаимодействия с окружающей средой, что зависит в свою очередь от уже имеющихся в наличии результатов деятельности. Преобразуя окружающую среду, ассимилируя её, человек изменяет собственную природу. Не покидая биологического уровня рассмотрения, Богданов, акцентируя внимание на сознательном целеполагающем элементе человеческой практики, не мог солидаризироваться с Авенариусом в вопросах взаимодействия человека со средой.

В трудовой деятельности, как полагал Богданов, человек сознательно выбирает нужные ему формы ассимиляции и диссимиляции энергии (здесь стоит заметить, что энергетической метафорой Богданов пользовался очень часто в своих работах), тем самым имея возможность по своему произволу изменять метастабильные отношения с окружающей средой. Как писал Богданов, для человека не может быть ничего неизменного в практике.

Следует подчеркнуть, что марксизм ещё до появления генетики сплетался с биологическим дискурсом. В дарвинизме Маркс и Энгельс видели естественнонаучный фундамент своих изысканий, поэтому неудивительны все те попытки примирить исторический материализм и генетику в контексте дискуссий советских интеллектуалов. Человек, природа и средства производства приобрели своё эволюционистское значение, а теорией эволюции был усвоен опыт социальной революции. Получалось, что в производстве человек создаёт путём отбора искусственные формы жизни, будь то животные или растения, продолжая тем самым дело эволюции. Соответственно, человеческий труд выполняет евгеническую функцию по созданию новых форм жизни. Конечно, эта идея распространялась в первую очередь на труд исследователей-экспериментаторов, что, как правило, в 30-х годах вызывало бурю негодования по поводу отвлечённости деятельности учёных от насущных задач индустриализации. Но самым примечательным аспектом советской интеллектуальной истории является само обращение к биологическому дискурсу, который позволял советской интеллигенции иначе мыслить труд и общественное развитие.

Список литературы

Муравьев, 1924 – *Муравьев В.* Овладение временем как основная задача организации труда. М.: Издание автора, 1924. 75 с.

Волоцкой, 1925 – *Волоцкой М.В.* Классовые интересы и современная евгеника. М.: Жизнь и знание, 1925. 46 с.

Бабков, 2008 – *Бабков В.В.* Заря генетики человека. Русское евгеническое движение и начало генетики человека. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 800 с.

Кольцов, 1923 – *Кольцов Н.К.* Улучшение человеческой породы. Петроград: Время, 1923. 63 с.

Серебровский, 1929 – *Серебровский А.С.* Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе // Медико-биологический журнал. 1929. Вып. 5. С. 3 – 19.

Буйнякова, 2017 – *Буйнякова И.С.* «Улучшение человеческой породы»: ретроспективный анализ евгенических идей 20-30-х гг. XX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2017. Вып. 3. С. 130 – 134.

Богданов, 1989 – *Богданов А.* Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн.: Кн. 1. / Редкол. Л.И. Абалкин (отв. Ред.) и др. / Отд-ние экономики АН СССР. Ин-т экономики АН СССР. М.: Экономика, 1989. 304 с.

Стейла, 2016 – *Стейла Д.* Рецепция труда в дореволюционном большевизме: от биологии к религии // Вестник СПбГУ. Сер 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 4. С. 63 – 74.

References

Murav`yov, 1924 – *Murav`yov V.* Ovladenie vremenem kak osnovnaya zadacha organizaczii truda. M.: Izdanie avtora, 1924. 75 s.

Voloczkoj, 1925 – *Voloczkoj M.V.* Klassovy`e interesy` i sovremennaya evgenika. M.: Zhizn` i znanie, 1925. 46 s.

Babkov, 2008 – *Babkov V.V.* Zarya genetiki cheloveka. Russkoe evgenicheskoe dvizhenie i nachalo genetiki cheloveka. M.: Progress-Tradicziya, 2008. 800 s.

Kol`czov, 1923 – *Kol`czov N.K.* Uluchshenie chelovecheskoj porody`. Petrograd: Vremya, 1923. 63 s.

Serebrovskij, 1929 – *Serebrovskij A.S.* Antropogenetika i evgenika v soczialisticheskom obshhestve // Mediko-biologicheskij zhurnal. 1929. Vy`p. 5. S. 3 – 19.

Bujnyakova, 2017 – *Bujnyakova I.S.* «Uluchshenie chelovecheskoj porody`»: retrospektivny`j analiz evgenicheskikh idej 20-30-kh gg. KhKh veka // Nauchny`e vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Socziologiya. Pravo. 2017. Vy`p. 3. S. 130 – 134.

Bogdanov, 1989 – *Bogdanov A.* Tektologiya: (Vseobshhaya organizacziionnaya nauka). V 2-kh kn.: Kn. 1. / Redkol. L.I. Abalkin (otv. Red.) i dr. / Otd-nie e`konomiki AN SSSR. In-t e`konomiki AN SSSR. M.: E`konomika, 1989. 304 s.

Stejla, 2016 – *Stejla D.* Reczepczyja truda v dorevoljuczionnom bol'shevizme: ot biologii k religii // Vestnik SPbGU. Ser 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie. 2016. Vy`p. 4. S. 63 – 74.